

Глобальное прочтение истории СССР: дискуссии вокруг «Красной глобализации» Оскара Санчеса-Сибони*

Михаил Липкин

**Global version of the Soviet history:
discussions on «Red globalization» by Oscar Sanchez-Sibony**
*Mikhail Lipkin (Institute of World History, Russian Academy of Sciences;
Moscow State Institute of International Relations)*

В 2014 г. в серии «Новые исследования по европейской истории» издательства «Кембридж юниверсити пресс» вышла небольшая монография преподавателя всемирной истории университета Макао Оскара Санчеса-Сибони «Красная глобализация. Политическая экономия советской холодной войны от Сталина до Хрущёва». Вскоре её автор превратился в одного из самых модных современных историков, а незнание предмета и неумение поддержать беседу с коллегами о его книге стало считаться дурным тоном. В России же, несмотря на большой интерес к периоду холодной войны, эти жаркие историографические дебаты пока не получили оценки и осмысления. Данная статья ставит целью частично восполнить пробел и показать наметившийся в последние годы новый тренд в англоязычной историографии.

Ученик известного австрало-американского историка-ревизиониста, специалиста по социальной истории СССР Шейлы Фицпатрик из университета Чикаго, Санчес-Сибони пошёл дальше своего учителя и замахнулся на пересмотр не только представлений о внутренних аспектах советского режима, но и роли СССР в мировой истории XX в. При первом знакомстве с книгой возникают устойчивые ассоциации с ранними работами крупнейшего в мире специалиста по холодной войне Джона Гэддиса: перед нами очередная сенсационная попытка пересмотра всей её историографии и вызов сложившимся стереотипам – о том, что это была схватка двух сверхдержав, что она характеризовалась жёсткой bipolarностью, что возглавляемый СССР восточный блок являл собой альтернативу мировой капиталистической системе.

Первая часть книги, носящая название «Изоляция», посвящена периоду от смерти Ленина до начала Второй мировой войны, вторая («Устремления») – от смерти Сталина до конца 1950-х гг., третья («Интеграция») – 1960-м гг. Автор поставил цель показать на основе внешнеэкономической статистики и архив-

© 2016 г. М.А. Липкин

**Sanchez-Sibony O. Red Globalization. The political economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev. Cambridge University Press. 2014. 277 p.*

Далее ссылки на книгу даются в тексте статьи с указанием страницы.

Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ МД-6912.2015.6 «Советский Союз и модернизационные вызовы 1960-х годов: в поисках нового внешнеэкономического инструментария».

ных материалов РГАЭ и ГА РФ, что Советский Союз был не обособленной частью мировой экономики («мировая система социализма») и не «неудавшимся экспериментом», а проводником и важным звеном экономической глобализации второй половины XX в. «Проблема в том, что представление о советской автаркии ошибочно. Оно ошибочно в свете статистики. Оно ошибочно с точки зрения чёткой логики политического целеполагания советского руководства», — отметил Санчес-Сибони во введении (р. 4). Согласно его видению, история нашего государства повторяла основные тренды мирового развития: оно было автаркично лишь в той мере, в какой все ведущие державы после Великой депрессии замкнулись и ввели протекционистскую политику. Но в послевоенный период, в рамках восстановления глобального рынка СССР наряду с другими странами оказался охвачен процессами глобализации. Более того, как утверждает автор, в послевоенную эпоху он был гораздо более зависим от мировой экономической конъюнктуры, чем другие вписанные в глобальную капиталистическую систему крупные страны — такие, как США, Индия или Бразилия (р. 5).

Главное оружие Санчеса-Сибони — статистика внешней торговли. Она действительно впечатляет. Оказывается, что СССР по динамике роста доли внешней торговли в ВВП с 1960 по 1980 г. (с 12 до 27%) не отставал от Японии (р. 4–5) — страны, которая, согласно данным Акиры Ирайе, уже к 1968 г. обогнала по этому показателю ФРГ и на время стала второй экономикой мира после США¹. Однако в принципиально новом свете, по мнению автора, эти данные предстают именно при отказе от догматического постулата об идеологической природе экономического поведения СССР и взгляде на внешнеэкономическую историю СССР «с чистого листа». «Факт, что советская экономика была в значительной степени вписана в глобальные экономические структуры во все времена её истории, — отметил во введении историк. — Была ли это система золотого стандарта или Бреттон-Вудская квазисистема, которая структурировала международные экономические и политические отношения, Советский Союз был по большей части напрямую задействован в трендах и злоключениях глобального финансового и торгового обмена — а то и в глобальном финансовом и коммерческом управлении, где доминировали гораздо более богатые страны Западной Европы и США» (р. 6).

Наиболее спорный момент в этом сильном тезисе — утверждение, что так было «во все времена». Всё-таки спорадические интервенции, скажем на Лондонском рынке золота, где СССР порциями продавал золотой запас ради получения конвертируемой валюты для покупки образцов военной техники и оборудования из удобных стран (например, для поставки республиканской Испании), вряд ли можно назвать прямой интеграцией в глобальные экономические структуры. Попытки войти в ОЭСР в 1960–1961 гг., равно как вступить в НАТО в 1954 г., как известно, произвели определённый переполох, но не были восприняты всерьёз. Безусловно, в 1960–1970-х гг. Советский Союз стал активным игроком на мировом капиталистическом рынке, но без доступа к рычагам управления глобальной экономической системой, которая оставалась под контролем Вашингтона. Более того, сам же Санчес-Сибони констатировал, что это был успех США — несмотря на идеологические противоречия, втянуть (местами интегрировать) СССР в глобальную экономику.

¹ Global Interdependence: the world after 1945 / Ed. by Akira Iriye. Cambridge (Mass.), 2014. P. 130.

«Ахилессовой пятой» работы Санчеса-Сибони является незнание российской (русскоязычной) историографии, что особенно отчётливо проявляется при критическом анализе глав по истории СССР 1920–1930-х гг. То, что логично с точки зрения западных исследователей, не кажется таковым с позиции советских реалий того времени. Санчес-Сибони далёк от понимания логики выживания мировой революции в отдельно взятой стране. «Переход Сталина с правых на левые позиции не был продиктован соображениями злого гения политической тактики, а стал предвестником глобального политического и идеологического сдвига, скованного рамками золотого стандарта в несбалансированной мировой экономике», — отметил он (р. 43). В доказательство процитирована лишь «удобная» в свете его концепции англоязычная литература. Обзор глобального положения Советского Союза на фоне мирового экономического кризиса представляется интересным, но интерпретация его как решающего фактора в становлении сталинизма кажется более чем натянутой.

Построения первой главы смотрятся как чистая теория. Реальных документов эпохи «великого перелома», где Сталин обосновывал бы свои действия мировой конъюнктурой или приводил бы доводы в пользу использования ГУЛАГа как «эффективного» средства борьбы с глобальным экономическим кризисом, Санчес-Сибони не привёл, и вряд ли они существуют. При всей привлекательности такого объяснения свёртывания нэпа, последовавшей массовой коллективизации и политических репрессий, представляется, что эти шаги, как показывают классические работы по данной теме, диктовались в первую очередь внутривнутриполитическими соображениями, а флуктуации мировой конъюнктуры имели на них второстепенное влияние.

В 2009 г. в ИВИ РАН прошёл специальный междисциплинарный семинар, посвящённый мировому экономическому кризису 1929 г., где был представлен ряд докладов о влиянии Великой депрессии на СССР². Так, А.В. Шубин наглядно показал, что «советское руководство не только проповедовало, оно и действовало вразрез с логикой глобального рынка»³. Внутренние проблемы, связанные с падением уровня хлебозаготовок в стране, стали ключевыми для решения о сворачивании нэпа, а мировой кризис оказался лишь дополнительным аргументом, выбившим почву из-под ног у его сторонников и приведшим к форсированному сценарию «сталинской модернизации». Несмотря на падение мировых цен на хлеб и голод, Сталин требовал «бешено форсировать вывоз хлеба», и СССР, демпингуя, вбросил на мировой рынок огромное количество ресурсов — зерно, нефть, лес и т.д.⁴ Отчасти это привело к разогреву рынков и ещё большему падению цен, что усугубило положение производителей в других странах. Действия Кремля привели к ряду торговых войн, в наиболее острой форме — в 1930–1931 гг. с Францией, в 1933 г. — с Великобританией. В целом же, несмотря на замораживание части великих индустриальных проектов вследствие нехватки средств, СССР на время превратился в рынок сбыта для машиностроительных предприятий западных стран в условиях глобального мирового кризиса⁵.

² Мировой экономический кризис конца 1920-х — начала 1930-х гг.: история и современность. Материалы «круглого стола» 20 апреля 2009 г. / Под ред. Г.Е. Гиголаева, Н.И. Егоровой, А.А. Исэрова. М., 2009.

³ Шубин А.В. Великая депрессия и СССР // Мировой экономический кризис... С. 117.

⁴ Там же. С. 124–125.

⁵ Там же. С. 127.

В работах О.В. Хлевнюка прекрасно проанализирована логика внутривойсковой борьбы и подоплёка отказа от нэпа в рамках борьбы с группой Бухарина и Рыкова, для которой внешние факторы мировых цен были второстепенным явлением⁶. Вопреки мировой конъюнктуре ставка делалась на масштабную закупку западного оборудования и заводов любой ценой. Как отметил историк, в условиях мировой депрессии западные демократии охотно сотрудничали с СССР на этом направлении. Цена же на хлеб и судьба крестьян были для Сталина лишь разменной монетой. Главный тезис Хлевнюка – массовая коллективизация стала основой сталинской диктатуры, т.е. превратилась в самоцель, а не была временной вынужденной мерой, ответом на мировой кризис, как утверждает Санчес-Сибони⁷.

Справедливости ради следует отметить, что в выводах к главе автор дал более сбалансированные оценки периода конца 1920–1930-х гг., говоря о несомненной роли таких факторов, как идеологическая борьба, опыт Гражданской войны и личные амбиции вождя (р. 127). Он также вполне справедливо подчеркнул, что международный контекст экономической политики СССР, к сожалению, остаётся в тени академических дискуссий и полностью игнорируется в учебниках истории (очевидно, в западных). Будь мировая экономика более благожелательна к развитию торговли с молодым советским государством, возможно, более правые и менее жёсткие группы большевиков остались бы у власти, а XX век не узнал бы «великого перелома» и сталинского террора, предположил автор.

Наибольший интерес для меня представляли последующие разделы книги, поскольку мои исследовательские интересы связаны с послевоенным периодом внешнеэкономической истории СССР. Санчес-Сибони представил массу сюжетов, в интерпретации которых я готов полностью солидаризироваться с его позицией, но встречаются и оценки, противоречащие фактам.

Один из центральных тезисов автора в главе про Бреттон-Вудскую систему гласит: «Торговая и финансовая практика СССР говорит о стабильности, рождённой американской и потом западной экономической гегемонией, с которой подвергнутые остракизму Советы искали *modus operandi*, а в конечном счёте – способы выгодного участия» (р. 59). Но если посмотреть в ретроспективе на всю совокупность торгово-финансовых отношений Советского Союза с капиталистическим миром, то их множественность и разнообразие даже в самые сложные периоды говорят о стабильности биполярной системы, наличие которой как таковой Санчес-Сибони попытался опровергнуть в своей книге.

Автор монографии – далеко не первый, кто говорит о большой заинтересованности нашей страны в американских кредитах и ее активном участии в первых дискуссиях о новых глобальных институтах, ставших впоследствии столпами Бреттон-Вудской системы⁸. Подробный анализ документов говорит о том, что в истории с послевоенными кредитами СССР – американским, английским и шведским – в условиях холодной войны политические факторы оказывались решающими в выборе экономических партнёров. Именно идеологическими и геополитическими причинами объяснялся провал попыток Москвы

⁶ Хлевнюк О.В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015. С. 154–160.

⁷ Там же. С. 167.

⁸ Детальный разбор советского планирования в отношении британских и американских планов МВФ и Всемирного банка см.: Липкин М.А. Советский Союз и европейская интеграция: середина 1940-х – середина 1960-х годов. М., 2011. С. 13–37.

получить крупные американские кредиты и по-настоящему интегрироваться в Бреттон-Вудскую систему⁹. Санчес-Сибони – один из немногих, кто, анализируя западные документы о Парижском саммите по «плану Маршалла» 1947 г., наглядно показал, насколько в тот момент Великобритания, Франция и США опасались реального участия СССР и надеялись на то, что интеграция Европы ограничится западной её частью (р. 67–68).

Однако трудно согласиться с автором в том, что СЭВ не рассматривался как альтернатива Бреттон-Вудской системе (поскольку был несопоставим с ней по масштабу), а потому «СССР вместе с его партнёрами по СЭВ оставались аппендиксами гораздо большей и доминирующей либеральной конструкции» – т.е. Бреттон-Вуда (р. 72). Ведь сам автор отмечает, что коммерческое и финансовое взаимодействие между Западом и Востоком наладилось только в конце 1950-х гг., когда была преодолена нехватка долларов и ослабло влияние США. Возможно, он хотел сказать, что альтернативная мировая система социализма (в центре которой находились СССР, СЭВ и, согласно изначальным планам, созданная в 1964 г. Конференция ООН по торговле и развитию – ЮНКТАД) была всего лишь пропагандистским мифом, но и с этим трудно согласиться.

Можно говорить о глобальности, эффективности той или иной системы, но то, что СССР олицетворял альтернативу мировой капиталистической системе, выступал центром перераспределения ресурсов и технологий в Восточной Европе, на Дальнем Востоке и «глобальном юге» – неоспоримый факт. Масштабы этого явления до сих пор не оценил ни один историк, и заслуга Санчеса-Сибони состоит в том, что он пытается дать системную оценку советской «помощи» третьим странам в эпоху Н.С. Хрущёва (отметим, что автор не работал с документами СЭВ, госкомитетов по экономическому сотрудничеству и науке и технике).

В целом же, вероятно, правильнее говорить о разных подходах при противопоставлении двух систем. В этом контексте особое значение приобретают малоисследованные попытки СССР включиться в западные глобальные структуры (предложения о вступлении в НАТО в 1954 г., об участии в новой организации, в которую трансформировалась ОЕЭСР в 1960 г., о взаимном признании и прямом соглашении между СЭВ и Европейским Сообществом в 1976 г. и т.д.). Безусловно, в периоды «экономики разрядки» кооперация СССР и западных стран значительно расширялась, что приводило к появлению совместных проектов, которые Санчес-Сибони и оценил как «интеграцию» нашей страны в западную систему.

Интересное и важное наблюдение автора заключается в том, что СССР являлся для западных стран крупным торговым партнёром даже несмотря на неразвитость советских финансовых институтов (непереводной рубль). Дело в том, что он оказался привлекательным с точки зрения бартерных сделок: до начала 1960-х гг. все участники Бреттон-Вудской системы, кроме США, страдали от хронической нехватки долларов, и клиринг, особенно многосторонний, предлагаемый Москвой, был весьма благоприятен для диверсификации их торговли и улучшения торгового баланса при сохранении золотовалютных резервов (р. 75–76). От себя добавлю, что это, в частности, позволяет объяснить большое внимание к Московскому экономическому совещанию 1952 г., проявлявшееся, несмотря на идеологические барьеры, что видно по острым дебатам

⁹ Там же. С. 103–104.

многих европейских членов НАТО с США по вопросам американских санкций в торговле с Восточным блоком в Координационном комитете по экспортному контролю (КОКОМ)¹⁰.

Санчес-Сибони показал, как Советский Союз к взаимной выгоде пользовался этим своим преимуществом в 1950-х гг. В дальнейшем подобные схемы были перенесены на отношения Москвы с новыми участниками международных отношений – получившими независимость в 1960-е гг. странами третьего мира, что для СССР открывало возможности получения редкого сырья (каучук, марганец, т.д.) напрямую из них, а не через бывшие метрополии (Британия, Франция).

Как свидетельствует неизвестная автору история с бесславным концом шведского кредита¹¹ и приводимые им примеры боязливых переговоров с японскими деловыми кругами осенью 1952 г. (р. 80), несмотря на явный интерес зарубежных предпринимателей, инициатива советских министерств и ведомств была скована страхом перед возможными обвинениями в проявлении чрезмерного внимания к торговле с западными странами. В результате советские чиновники демонстрировали отсутствие оперативной реакции и оказывались малокомпетентными в контактах с партнёрами.

Согласно глобальной картине перемен, излагаемых в книге, после смерти Сталина, помимо изменений в советском руководстве и провозглашения в СССР курса на мирное сосуществование, ключевым фактором успеха внешнеэкономической политики Н.С. Хрущёва стали глобальные сдвиги в архитектуре экономических отношений. После недолгого периода послевоенной реконструкции и зависимости от США, ведущие западные страны и Япония начали освобождаться от американского диктата, что было вызвано в первую очередь распадом колониальных империй – потерей имперских связей и появлением на мировой арене новых игроков. Это привело к поиску новых поставщиков сырья, диверсификации экономических связей. Окрепшие экономически страны Европы и Япония из чисто прагматических соображений стали искать контактов и контрактов со странами Восточного блока (р. 84). Кроме того, окончилась эпоха долларowego дефицита, т.е. ослаб финансовый диктат США, что продемонстрировало падение центральной роли КОКОМа в торговле Запада и Востока к концу 1950-х гг. (р. 92).

Таким образом, успех «мирного сосуществования» можно объяснить совпадением указанных кардинальных сдвигов в глобальном и региональных масштабах. Важным ответом на эти изменения, как отметил Санчес-Сибони, стала структурная перестройка во внешней торговле СССР: если во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. она на 80% была замкнута на рынок СЭВ, а доля капстран составляла всего 16%, то к 1970 г. они занимали почти четверть товарооборота. Доля третьего мира росла ещё стремительнее – с 4% в 1955 г. до 10% в 1963 г. (правда, частично за счёт перенаправления старых каналов поставки стратегического сырья напрямую из новых независимых стран Азии и Африки, в обход метрополий, р. 92–93).

Деколонизация изменила не только планету, но и советские представления о внешнем мире. Новые страны желали сотрудничества с СССР. Причём, помимо идеологического флёра, реальные плюсы коммунистической сверхдержавы заключались в таких характеристиках как способность советского

¹⁰ Там же. С. 122–126.

¹¹ Там же. С. 102–103.

флота оперировать в масштабах земного шара, обеспечивая бесперебойные прямые товарные поставки в обход монополизировавших до того торговлю с бывшими колониями британских и голландских судоходных компаний (р. 143). Следует отметить, что применительно к истории прошлого столетия традиционно принято считать Советский Союз крупным игроком на глобальном сырьевом рынке, однако история глобальных услуг – морских перевозок и страхования грузов, где он успешно демпинговал и конкурировал с западными гигантами, остаётся вне поля зрения историков¹².

В структуре торговли с развитыми странами ключевую роль для развития советской экономики играл классический обмен экспортируемых ресурсов на западные лицензии и технологии. Но в отношениях с третьим миром всё было наоборот – СССР выступал поставщиком ноу-хау, а страны-реципиенты расплачивались сырьевыми и сельскохозяйственными товарами. Книга Санчеса-Сибони богата яркими примерами успехов и провалов в торговых отношениях Москвы с новыми странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Большая самостоятельность и открытость западных рынков, жизненно важных для технологических трансферов в СССР (например, для реализации планов Хрущёва по приоритетному развитию химической промышленности) диктовала необходимость поиска свободно конвертируемой валюты, что вело к росту советского экспорта. В начале 1960-х гг. это даже привело к резкому падению отечественных валютных резервов (р. 111). Введение конвертируемости европейских валют в 1958 г. повлекло ещё больший бум в торговле с нашей страной, но предъявило более жёсткие конкурентные требования к экспортным возможностям соцлагеря.

Опираясь на факты успешных интервенций СССР и бурного роста торговли, Санчес-Сибони сделал довольно спорный вывод: Советский Союз был одним из выгодоприобретателей мировой экономической системы, выстроенной на принципах открытости и стабильности. Книга убедительно показывает, что в послевоенный период, несмотря на биполярность, росла взаимозависимость различных стран. Но ставить СССР на одну доску с капиталистическими государствами представляется слишком смелым. Автор сам отметил, что в 1961 г. советские официальные лица свято верили в экономическое и моральное превосходство социалистической системы над западной. Он процитировал документ Госэкономсовета о перспективном планировании внешней торговли, где на первом месте идут интересы СССР, на втором – мировая социалистическая система, и лишь на третьем – экономика разрядки с капстранами (и то с целью их постепенного отрыва от экономической системы капитализма, а не собственной конвергенции или интеграции в западную систему, р. 120–121).

Автор попытался оценить общие масштабы советской «помощи» странам третьего мира. Со ссылкой на другие западные исследования он указал на «предложение» 68 млрд долларов «экономической помощи», из которых до распада СССР якобы были реально предоставлены лишь 48 млрд (р. 138). Отметим, что согласно официальной советской статистике (естественно, не из экономических бюллетеней, а циркулировавшей в компетентных ведомствах с грифом «секретно») о расходах на оказание безвозмездной помощи иностранным государствам, в переводе на официальный курс рубля к доллару после денежной реформы 1961 г., за период 1953–1967 гг. СССР выделил всего

¹² Там же. С. 246.

**Статистические сведения по кредитам СССР развивающимся странам
(включая данные Министерства внешней торговли и Главного
инженерного управления, млн руб.)**

Год	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967
Предоставлено	1 175.3	228.3	396.9	1 149.3	876.8	1 136.5	719.5
Использовано	223.6	654.1	506.5	553	540.3	591.2	577

Составлено по: РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 518, л. 13–16.

4 642.8 млн руб., или 5 158.6 млн долларов. Из них примерно три четверти (3 017 млн руб.) – странам СЭВ и одну четверть (1 625.8 млн руб.) – развивающимся и капиталистическим странам¹³.

Конечно, если рассчитывать курс рубля к доллару согласно покупательной способности, а не официальному курсу Госбанка СССР, то соотношение будет несколько иное, но в целом порядок цифр за десятилетие в среднем соответствует цифрам западных исследователей. Впрочем, следует учитывать методологический разнобой в понимании того, что собственно считать «помощью» (р. 140). Мы вслед за советскими статистиками учитываем поставки оборудования, товаров и оказание технического содействия, строительство подарочных объектов, поставки военно-технического имущества, скидки с экспортной цены военно-инженерного имущества. В пояснении к справке указывалось, что приводимые цифры не учитывали расходы госбюджета на обучение и лечение иностранных граждан и безвозмездно переданное имущество (здания для посольств, дипмиссий и т.д.), однако очевидно, что это была несущественная часть расходов. Тем не менее получается, что столь внушительные цифры не учитывают льготных кредитов, на которых в основном строят статистику западные исследователи и которыми иллюстрирует книгу Санчес-Сибони. Они рассчитывались отдельно (см. табл.) и выделялись, как правило, под 2.5% годовых. Так что масштабы реального участия СССР в экономике стран второго и третьего мира были ещё больше.

Как видно из таблицы, наибольшие суммы пришлось на 1961, 1964 и 1966 гг. Интересно, что израсходованы кредиты были в лучшем случае наполовину, что, возможно, говорит об их малоэффективности по сравнению с безвозмездными поставками и скидками в структуре советской «помощи».

Несмотря на разницу в абсолютных цифрах в сопоставлении с США, пожалуй, следует согласиться с Санчесом-Сибони – затраты Америки оказались намного значительнее (в конце концов, её экономика и торговый оборот были гораздо больше, чем у СССР). Но, как справедливо отметил автор, эффект помощи не всегда соответствует её масштабам, что объясняется имиджевым выигрышем Советского Союза и грамотным пиаром. Например, в рядах ЦРУ царила вера в невероятные масштабы советской «помощи», на самом деле довольно скромной в сопоставлении с США и странами Запада (р. 139). Скорее следует говорить об её структуре: подобно ленд-лизу для СССР в годы войны, в абсолютных величинах она была невелика, но играла важную роль в развитии ключевых отраслей экономики молодых независимых стран Азии и Африки.

¹³ РГАНИ, ф. 5, оп. 60, д. 518, л. 13–16.

Так, не секрет, что одним из «полей экономических и идеологических битв» в 1960-е гг. стала Индия. А.И. Микоян не лукавил, когда в беседе с главой социалистической партии Японии рассказывал о жёсткой конкуренции с ведущими капстранами. Индийское правительство с целью избежать экономической зависимости от какой-либо одной страны разместило заказы на сталелитейные заводы в четырёх ведущих индустриальных странах: СССР построил металлургическое предприятие в Бхилаи, Великобритания – в Дургапуре, ФРГ – в Руркела. Правительство США обещало возвести завод в Бокаро, но Конгресс США отклонил это предложение, и Москва вызвалась заполнить американскую нишу. СССР отличился скоростью ввода завода в эксплуатацию и низкой стоимостью производимой стали по сравнению с конкурентами¹⁴ (конечно, Микоян умолчал об её более низком качестве). Крайне важную помощь оказал СССР в создании в Индии фармакологической отрасли, а благодаря советским геологам страна вместо ввозимых западными монополиями нефтепродуктов смогла обеспечить себя собственными. Так что речь шла о реальной, а не о рекламной советской помощи.

Другое дело, как отметил Санчес-Сибони, что в конечном счёте контроль над добычей в Индии полезных ископаемых всё же переходил в руки крупнейших западных монополий, и, таким образом, функция СССР в глобальной экономике сводилась к подготовке почвы для их прихода. С одной стороны, это говорило о том, что цель «помощи» – укрепление суверенитета молодых государств – в большинстве случаев не была достигнута. С другой, Советский Союз способствовал вхождению новых стран в мировую экономику, передавая им свои технологии, опыт и создавая базу для их включения в международные технологические цепочки.

Как показал Санчес-Сибони, в отличие от западных стран СССР не навязывал своих специалистов, рассчитывая, что управлять построенными им объектами будут национальные кадры. Но нехватка таковых на местах приводила к необходимости приглашения западных специалистов. В ожидании политических выгод Советский Союз фактически «дарил» мировой капиталистической системе новые страны и континенты. А о том, как третьи страны с выгодой для себя использовали соперничество сверхдержав в годы холодной войны, написано немало работ (которые почему-то находятся вне поля зрения автора)¹⁵.

Один из серьёзных дискуссионных вопросов, поднимаемых в книге Санчеса-Сибони, – альтруистической или прагматической была «помощь» и участие СССР в развитии «глобального Юга»? Как представляется, вывод автора о том, что «политические цели советской помощи были совершенно неопределёнными и уж точно заключались не в выстраивании блоков в рамках глобальной стратегии борьбы за идеологическое или иное превосходство», требует существенных корректив (р. 141). С одной стороны, в ретроспективе мы видим, что советская «помощь» оказалась малоэффективной с точки зрения построения утопической «мировой системы социализма». С другой, очевидно, что она ока-

¹⁴ ГА РФ, ф. 5446, оп. 120, д. 1871, л. 120.

¹⁵ Например, о цене «гвинейского эксперимента» и зигзагах внешнеполитической ориентации Секу Туре см.: *Мазов С.В.* Политика СССР в Западной Африке 1956–1964. Известные и неизвестные страницы истории холодной войны. М., 2008. С. 58–79, 149–173. В этой книге приводятся многочисленные примеры того, как при отсутствии учёта специфики системы властных отношений и коррупционной составляющей советские кредиты молодым африканским странам банально разворовывались на местах и лишь частично достигали конечной цели.

зывалась в рамках глобальной холодной войны и диктовалась не коммерческой выгодой, а логикой «эффекта домино» – стремлением перетянуть на путь социализма как можно больше стран мира. В данном контексте, как справедливо отметил Санчес-Сибони, интересы нашей страны и новых деколонизированных государств – национализация промышленности и импортозамещение (с модой на плановую экономику) в целях обретения большей независимости – совпадали, хотя каждый понимал эти цели по-своему (р. 155–156)¹⁶. То, что было сделано немало просчётов, чем пользовались, преследуя свои локальные интересы, страны третьего мира, – уже частные вопросы каждого конкретного случая «помощи».

«Советский Союз пользовался влиянием на глобальном юге не потому, что представлял собой альтернативу западному либеральному миропорядку, а потому, что он помогал ослабить давление Запада, не требуя взамен каких-либо политических жертв», – констатировал автор в развитие своей теории об отсутствии биполярности (р. 227–228). Это утверждение справедливо лишь отчасти: ожидания, что страны третьего мира, которым предоставлялась советская помощь, пойдут по «социалистическому пути развития», несомненно, были, другое дело, что не было жёсткой системы контроля за их политикой. Один из самых авторитетных специалистов по истории холодной войны О.А. Вестад в классической монографии «Глобальная холодная война» пришёл к выводу: союзы и организации, которые создавал СССР, оказались гораздо менее эффективными, чем американские, поэтому Москва глобально проиграла Вашингтону. В долгосрочном плане, по мнению учёного, самым фатальным для нашей страны стал разрыв с Китаем после гигантских вложений в его экономику (особенно в период с момента подписания советско-китайского договора о дружбе до 1960 г.), которые Вестад называет «советским планом Маршалла»¹⁷.

Как показал Санчес-Сибони, СССР не стремился к созданию закрытых блоковых структур в третьем мире. Но если США сочетали блоковые структуры (СЕАТО, Багдадский пакт) с «мягкой силой» (через финансовые институты, «помощь» правительственных и полуправительственных фондов и организаций и т.п.), то Советский Союз даже после роспуска Коминтерна и Коминформа, помимо «помощи», продолжал оказывать существенное влияние по линии партийных связей. Документы показывают, что в кризисных ситуациях смены власти при выработке внешнеполитических решений и анализе ситуации чрезвычайно большое внимание уделялось мнению «друзей» (не всегда в пользу реалистичного понимания того, что происходило в той или иной стране). Так, к примеру, пребывая в лёгком шоке от «молодёжной революции» 1968 г. во Франции и ухода де Голля, СССР после консультаций с французской компартией принял решение усилить глобальную борьбу с троцкизмом¹⁸.

Таким образом, Советский Союз, в отличие от США, в 1950-х гг. действительно не создавал замкнутых блоков в отдалённых регионах мира. Однако он жил, исходя из веры в строительство альтернативной системы и альтернативных структур (эффективность которых – предмет отдельного анализа), а повто-

¹⁶ Интересно, что, как указывает автор, согласно одной из гипотез, в рамках противостояния «Север–Юг» на новые деколонизированные страны одинаково сильно влияли как советская, так и латиноамериканские экономические модели.

¹⁷ Westad A. The Global Cold War. N.Y., 2005. P. 69.

¹⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 68, д. 1024, л. 22.

ряющиеся рефреном в работе Санчеса-Сибони утверждения о том, что он растворился в Бреттон-Вудской западной системе, кажутся малоубедительными.

Этой теме в наиболее концентрированном виде посвящена глава «Интеграция», где автор детально рассмотрел взаимозависимость советской и западной экономик в период «экономики разрядки» конца 1950 – 1960-х гг. На основе анализа наиболее крупных и успешных проектов сотрудничества с Италией, Японией (а также безрезультатных с ФРГ) он сделал вывод: СССР был интегрирован в европейскую экономическую систему через сеть магистральных нефтегазопроводов, начало которым положила первая сделка «газ–трубы» с итальянским концерном «ЭНИ» в 1960 г. В главе не рассмотрена история переговоров и подписания соглашения о долгосрочном кредите с британскими банками, мало отражены крайне важные (хотя не столь масштабные в статистическом выражении) двусторонние отношения Москвы и Парижа при де Голле, но даже в таком виде она представляет собой новый шаг в изучении «долгой разрядки»¹⁹ и показывает, насколько тесным было сотрудничество между, казалось бы, идеологически враждебными странами Европы и Азии.

Последняя глава посвящена также «пределам» развития советской экономической системы (Санчес-Сибони употребил термин «дисфункция»). Согласно его спорному видению, конец «красной глобализации» наступил уже к концу 1960-х гг. (хотя тогда непонятно, что такое реальная экономическая взаимозависимость мира в 1970-х гг., особенно на волне «высокой разрядки» и СБСЕ, крупнейших нефтегазовых проектов и т.д.). В итоге автор сделал вывод: советская «помощь» была малоэффективной и не имела долгосрочного эффекта по причине отсутствия стратегического планирования (открывались месторождения, но не создавалась кадровая база для их эксплуатации) и попыток обеспечить постоянное политическое влияние в тех странах, где она оказывалась (р. 240–241).

Так, открытые в Индии нефтяные месторождения из-за низкого качества советского оборудования перешли в руки «Роял Датч Шелл», стеклянный завод в Турции попал в зависимость от поставок американского сырья, советские госпитали в Камбодже, Индонезии и Бирме также были потеряны из-за отсутствия налаженного снабжения медикаментами. Кроме того, по оценке Санчеса-Сибони, СССР, желая поддержать независимость новых стран, зачастую заключал невыгодные для себя сделки (например, позволив Египту расплачиваться за кредиты фруктами). Автор привёл мнения авторитетных экономистов, отмечающих, что стандартная ставка на советские кредиты в 2.5% годовых для стран третьего мира дала бы во много раз большую отдачу в случае инвестирования в самом СССР. Кроме того, в большинстве своём экономики третьего мира оставались смешанными и никогда до конца не порывали с Западом. В итоге к середине 1960-х гг. доля таких стран во внешнеторговом портфеле Москвы стабилизировалась до 10–13%, в то время как развитых – продолжала уверенный рост.

Санчес-Сибони рьяно раскритиковал американских историков за то, что, используя в качестве источников по истории холодной войны в первую очередь документы Госдепартамента, они подпадают под их влияние, что приводит к монохромному видению глобальной истории второй половины XX в. Лишь знакомство с российскими архивами позволяет преодолеть многие мифы и

¹⁹ Данный термин вводится в историографию в кн.: *The Long Detente. Changing Concepts of Security and Cooperation in Europe from the 1950s to the 1980s* / Ed. by Oliver Bange and Poul Villaume. Budapest; N.Y., 2015 (в печати).

стереотипы жёсткой биполярности, распространённые в западной литературе. Критика автором биполярной модели холодной войны смотрится вполне логично и уместно применительно к «потерянной» истории других стран мира – например, много работ посвящено Индии в тот период, но незаслуженно забыта Аргентина, часто в поле зрения исследователей попадает Гана, но редко – Сенегал, и т.д. (р. 249–252).

Автор призвал рассматривать холодную войну как подвижную «дискурсивную конструкцию», а не как неизменную реальность. С этим можно согласиться, особенно на фоне продолжающихся споров о том, чего в период 1947–1991 гг. было больше – разрядки или жёсткого противостояния. Он пришёл к выводу, что только взгляд со стороны глобальной макроистории способен отразить роль разных регионов мира с учётом их своеобразия и противоречий (р. 253).

Как отмечалось ранее, появление книги привело к оживлённой дискуссии и публикации серии рецензий видных историков. Посвящённый книге форум на авторитетном академическом интернет-портале H-Diplo был организован по просьбе редакции одним из ведущих западных специалистов по советской истории, профессором Лондонской школы экономики Владиславом Зубоком. Форум представляет собой введение в проблему Зубока, экспертные суждения трёх приглашенных историков, ответы на вопросы и критику автора книги. Во введении отмечено общее падение уровня исследований в области советской экономики и финансов, особенно заметное на фоне открытия новых архивных документов²⁰.

В оценке обсуждаемой книги участники дискуссии разошлись, хотя все критиковали автора за максимализм выводов, узкую историографическую и источниковую базу исследования. Зубок оценил работу Санчеса-Сибони как удачную и полезную для развития интереса к дисциплине «провокацию», но неудавшуюся попытку ревизионистского подхода к истории холодной войны. Главный его аргумент – монография не сбалансирована и её автор не столько объективно оценивает противоречивую природу советской внешней экономики, сколько объявляет «крестовый поход» против всей существующей историографии.

Авторитетный историк-«советолог» Джонат Хаслам ещё более критичен, считая книгу однобокой подборкой фактов, игнорирующей массу документов идеологического характера. Напротив, специалист по истории Латинской Америки Мишель Денис Тетчер приветствовал большинство тезисов Санчеса-Сибони и в целом дал его работе высокую оценку²¹. Того же мнения придерживается другой известный американский специалист по истории холодной войны Дэвид Энгерман²².

Моё мнение: книга всё-таки больше, чем «провокация». «Вступаясь» за Санчеса-Сибони, могу сказать, что мои исследования подтверждают необходимость пересмотра мифов о доминировании идеологического фактора во внешней политике СССР. Автор показал и объяснил, насколько важна была наша страна с её нерыночными механизмами торговли для мировой системы, каковы

²⁰ H-Diplo Roundtable XVI, 24. On Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev [27 April 2014]. URL: <http://www.tiny.ee/Roundtable-XVI-24> (дата обращения 14.08.2015).

²¹ Ibid.

²² Engerman D. Rev. of Red Globalization, by Oscar Sanche-Sibony // Journal of Cold War Studies. 2015 (в печати).

были возможности и пределы этого влияния в разные периоды. В итоге после внимательного прочтения монографии и знакомства с дискуссиями вокруг неё возникает ощущение, что с классической моделью биполярности уже «что-то не так», однако проработка деталей новой модели осмысления и изучения времени холодной войны – той, что вобрала бы в себя и старые наработки в координатах «Запад–Восток», и новые в координатах «Север–Юг» – остаётся задачей на будущее.

«Красная глобализация» бросила вызов западному (да и отечественному) историографическому мейнстриму. Её автору удалось обозначить «белые пятна» в глобальной и транснациональной истории середины – второй половины XX в. Это новое, бурно набирающее обороты в мировой историографии направление, требующее работы с огромными массивами информации из национальных и транснациональных архивов (СЭВ, ОЭСР, ЕЭС, КОКОМ, ЮНКТАД, и т.д.). К сожалению, в нём пока практически не слышен голос российских историков, которые продолжают заниматься узкими, в лучшем случае двухсторонними, темами и на шаг отстают от общемировых тенденций.

Монография О. Санчеса-Сибони могла бы считаться добротным путеводителем по фондам министерств и ведомств из РГАЭ и ГА РФ, показывая логику советских «мандаринов», если бы не два «но». Первое – она не «пробилась» к ключевым решениям Политбюро (документы которого хранятся в РГАНИ), а потому не может претендовать на полное объяснение логики партии и государства при принятии тех или иных решений. Во внешней политике СССР, скажем, применительно ко второй половине 1960-х гг., есть набор ключевых документов, которые готовили МИД и Международный отдел ЦК КПСС (возможно, с участием других ведомств), после изучения которых становится понятна глобальная логика увязки процессов в Западной Европе с ростом китайской угрозы и вес экономического фактора в отношениях с теми или иными ключевыми странами мира. В книге Санчеса-Сибони этого высшего уровня обсуждения и принятия решений нет. На среднем же уровне в рамках министерств и ведомств могло высказываться много интересных и даже сенсационных инициатив, но без соотнесения с верхним эшелонem они просто повисают в воздухе. На этот момент обращает внимание большинство критиков книги.

Второе – недопустимые в профессиональной научной литературе беллетристические приемы при работе с источником. Видимо, увлекшись материалом и желая привлечь широкого читателя рядом театральных приемов, Санчес-Сибони вдруг начинает на основе протокольной записи беседы советских и египетских представителей сочинять диалог между ними в форме прямой речи, да еще и пытаюсь досочинить, кто в какой позе сидел и как на кого глядел.

В книге читаем: «Другой советский представитель: И главная проблема заключается в том, что ваши цены слишком высокие при продаже по клирингу; возьмите, к примеру, ваш рис.

Египтянин: Это потому, что страны вроде Югославии покупают задешево по бартеру и потом перепродают ради дохода в твердой валюте.

Советский представитель (шутливо, как уверяет нас советский документ): Но для того, чтобы предотвратить реэкспорт другими странами, вы наказываете советские организации.

Египтянин: (вероятно, откинувшись назад, сосредоточив свой взгляд в дальнем углу потолка) Дополнительная надбавка в наших ценах объясняется разницей курсов египетского фунта на внутреннем и мировом рынках. Закупка

египетских продуктов на клиринговой основе должна оставаться выгодной для советских организаций, даже когда приходится переплачивать за них. Конечно, вы бы получили скидку на наш текстиль, если бы платили твердой валютой и покупали через наш комитет по хлопку» (р. 223).

В оригинальном документе читаем: «Тов. Спандарьян добавил, что одним из препятствий для расширения закупок египетских товаров являются высокие цены на них, поскольку египетская сторона при продаже товаров по клирингу, например, риса, требует значительной надбавки к цене.

Шияти сказал, что эти надбавки вызваны тем, что некоторые страны, в частности Югославия, закупая египетские товары по клирингу, перепродают их со значительной скидкой на свободную валюту. Шияти, однако, тут же добавил, что Советский Союз, как это ему хорошо известно, реэкспортом египетских товаров не занимается.

Тов. Кумыкин в шутливой форме заметил, что г-н Шияти, желая предотвратить реэкспорт египетских товаров, осуществляемых третьими странами, наказывает советские организации.

Шияти стал пространно говорить о том, что надбавка к цене на египетские товары вызывается разницей курсов египетского фунта – внутреннего и на мировом рынке, и что советским организациям якобы выгодно покупать египетские товары с расчетом по клирингу даже переплачивая за них»²³.

Зачем автору понадобилось вместо цитирования документа вообразить диалог и дискредитировать всю архивную работу с источниками – непонятно. Остается непонятным и то, куда смотрел научный редактор, казалось бы, серьезного академического издательства «Кембридж юниверсити пресс» – ведь если начинать так вводить исторические документы, то кто угодно что угодно может додумать и выдать за историческую истину в собственном исполнении. Конечно, запретить такой способ работы с источниками невозможно, но созданный таким образом текст следует отнести к жанру исторической беллетристики. Серьезные историки так не работают.

Интересно, что никто из западных дискуссионщиков не затрагивает очень важный вопрос: почему именно книга Санчеса-Сибони вызвала в исторических кругах такую бурную реакцию, несмотря на то, что, как утверждают его оппоненты, и идея её не нова, и манера изложения оставляет желать лучшего? Работа написана действительно провокационно и интересно. Однако главное – её появление совпало с очевидным ростом интереса к истории как СССР, так и «глобального Юга», но написанной новым языком и с применением новых методов глобальной истории. Прошло время анализа советской истории исключительно по архивам КГБ (чьё влияние на внешнюю политику в западной историографии явно переоценено) или Международного отдела ЦК КПСС. Наступила пора осмысления всего комплекса взаимоотношений различных ведомств, отвечавших в нашей стране за внешнеэкономическую политику и международные связи во второй половине XX в. С учётом масштаба новых задач в одиночку с ними справиться почти невозможно. Единственный выход – коллективная работа в рамках долгосрочных проектов.

²³ РГАЭ, ф. 413, оп. 13, д. 8791, л. 2–3.